

Мариз Конде

Невероятная
и печальная судьба
Ивана и Иванны

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
К64

Maryse Conde
LE FABULEUX ET TRISTE DESTIN D'IVAN ET IVANA

© 2017 by Editions JC Lattès

Перевод с французского *Александры Финогеновой*

Конде, Мариз.

К64 Невероятная и печальная судьба Ивана и Иваны / Мариз Конде ; [перевод с французского А. Финогеновой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-170854-2

Эта книга — сказка о современности, где на перекрестке каждый выбирает свою судьбу. Близнецы Иван и Ивана родились в Гваделупе, а назвали их в честь Ивана Грозного. Их мать бедна, а отец вернулся на родину, в Мали, еще до их рождения. На протяжении всей своей жизни они чувствуют исключительную эмоциональную связь, слишком сильную даже для близнецов. В конце концов сказочная и печальная судьба приведет их в Мали, а затем в Париж, где пути брата и сестры навсегда разойдутся.

Мариз Конде обращается к самым современным проблемам: расизму, терроризму, политической коррупции и насилию, экономическому неравенству и иммиграции, — как будто все это происходит не наяву, как будто все это нам приснилось.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Финогенова А., перевод
на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-170854-2

Посвящается Ришару и Режи́не, без которых не было бы этой книги.

Посвящается Мари́з.

«Саванна до самого горизонта, саванна, что трепещет под жаркими ласками восточного ветра», — как писал Леопольд Седар Сенгор¹.

Посвящается Фаделю, которому, возможно, суждено жить в преображенном мире.

¹ Французский и сенегальский политик, поэт и философ, первый президент Сенегала (1906—2011). (*Здесь и далее, если не указано иное, — прим. перев.*)

Тихо ты попрощался со своей жизнью¹.
Ален Сушон «Оркестр Ланн-Бриуэ»

¹ Парафраз песни знаменитого певца и композитора Алена Сушона (р. 1944).

В утробе

или

«замкнуться в ореховой скорлупе».

(У. Шекспир. ГАМЛЕТ. Акт II)

Словно дождавшись сигнала, неведомая стихия завладела близнецами. Откуда она взялась? Что ей нужно? Им казалось, что некая сила неумолимо влечет их вниз, вынуждая покинуть теплое и уютное обиталище, где они провели все это время. Постепенно их ноздри наполнил запах, до того чудовищный, напоминающий гниющие отходы, что они пустились в это вынужденное бегство. Тот из них, у кого между ног рос бутончик, пытался обогнать второго, поминиатюрнее и устроенного иначе, причинное место которого было похоже на глубокую прорезь. Первый протискивался головой вперед по узкому тоннелю, чьи стенки потихоньку растягивались.

До этого момента им было известно лишь одно состояние. Быть вместе неразрывно — такова была их повседневность. Им не было дано иного опыта, кроме как касаться друг друга и вдыхать терпкий, но приятный аромат, окружавший их со всех сторон. В обители, где они провели долгое время,

было сумрачно. Ни проблеска света. Зато в него проникали всевозможные звуки. И среди их бесчисленного множества они мало-помалу научились узнавать голос, принадлежавший, как стало им понятно, той, кто их носила. Нежный и мелодичный, всегда различимый, он казался им средоточием гармонии. Порой, однако, он переплетался с другими голосами, более резкими, не такими родными и прелестными, которые вдруг превращались в настоящее улюлюканье, в какофонию хаотичных, с металлическим призвуком трелей.

Два эмбриона продолжали свое нежданное нисхождение, как вдруг очутились в тоннеле с твердыми стенками, и он показался им бесконечным. Затем их принесло в округлое пространство, необычайно трепещущее, подвижное. Преодолев и его, они были безжалостно выброшены на плоскую поверхность, и в глаза им ударил ослепительный свет. Кто-то взял и поднял их в воздух, и эта хватка пришлась им так же не по нраву, как и внезапная режущая яркость. Оба инстинктивно поднесли к глазам кулачки, чтобы как-то защититься. В этот же миг неведомый прежде ветер наполнил их легкие, перебив дыхание, ротика их невольно раскрылись, и они, не сговариваясь, одновременно испустили истошный крик. Затем их бесцеремонно окунули в теплую жидкость без запаха и без вкуса, ничуть не похожую на ту, привычную. Потом их во что-то завернули, и они вдруг осознали свою телесность. Их положили на чью-то мягкую и упру-

гую плоть, чей чудеснейший аромат мигом проник им в ноздри. Какое блаженство после чудовищного путешествия, которое им пришлось совершить! И они изможденно уткнулись в грудь той, кто носила их в себе и кого они знали только по голо-су. Оба с жадностью впитывали ее запах, учились прикосновениям. С изумлением, взхлеб сосали из мягких сосудов, наполненных пахучей жидкостью, которые вложили им в ротки. Этот миг стал началом их жизни.

А вот что нашептывала на ушко своим близнецам сама Симона:

— С рождением, мои дорогие детки, мальчик и девочка! Вы так похожи, что чужой глаз легко мог бы вас перепутать. С рождением, слышите! Жизнь, которую вам суждено прожить, сколько отведено, не устлана лепестками роз. Кое-кто скажет, что жизнь — злодейка, кто-то назовет ее жестокой мачехой, другие — старой хромоногой клячей. Но ничего! Я положу вам под головки подушки из легких облаков, и пусть они принесут вам прекрасные сны. Жар моей материнской любви не уступит даже солнцу, что освещает наше скорбное существование. Добро пожаловать в мир, мои детки!

Из утробы

Первые месяцы новой жизни оказались для близнецов мучительны. Они никак не могли привыкнуть к жизни порознь: спать в отдельных колыбельках, купаться по очереди, один за другим сосать из бутылочки. Поначалу стоило одному из них залепетать, заплакать или раскричаться — другой тут же охотно подхватывал. При помощи этой изнурительной для окружающих синхронности они тянули время своей разлуки; но мало-помалу мир вокруг них стал приобретать формы и цвета. Первым, что вызвало у них восхищение, был луч солнца. Он проник в хижину через распахнутое настежь окно и упал на циновку, где лежали близнецы, наполняясь по пути забавными фигурками, почему-то страшно их развеселившими, а смех их напоминал перезвон колокольчиков. Они быстро запомнили свои имена, ласкавшие ухо, и принимались в волнении мотать ножками, услышав знакомые слоги, которые так легко укладывались в памяти. Но они не знали, что кюре церкви в Ослиной

Спине¹, толстый и туповатый человек, всерьез отказывался крестить их.

— Как так! — в возмущении обратился он к Симоне. — Ведь у них и отца-то нет, а ты придумала такие имена — Иван и Ивана! Хочешь, чтобы они безбожниками выросли!

По правде говоря, в ее роду появление на свет двойняшек и даже более уникальные случаи были не редкость. Еще в XIX веке ее прапрадеда Зулему, первого из уродившихся пятерняшек, пригласили на Всемирную выставку в Сен-Жермен-ан-Ле, как живой пример того, что может достигнуть потомок рабов, вдохнувший благотворные пары цивилизации. Он носил галстук и костюм-тройку, так как стал главным землемером страны. Кроме того, он совершенно самостоятельно выучил множество оперных арий, просто слушая программу на Радио Гваделупы под названием: «Классика? Именно так, классика!» К тому же он был одарен любовью к музыке, которая позже передалась всему его потомству.

Позже они обнаружили, что такое море и песок. Как чудесно он струится теплыми струйками сквозь их пухлые пальчики с розоватыми ноготками-ракушками! Каждый день Симона везла их в тачке, заменявшей коляску, в одну из бухточек под Ослиной Спиной, и морской бриз, вторя могучему материнскому шелесту волн, нежно оглаживал их личики.

¹ Гора и одноименное селение в Гваделупе.

Сколько же счастливых лет провели они вот так — четыре, пять? Мать, чье лицо с бархатистой черной кожей они стали различать очень рано — ведь оно всегда было повернуто к ним, — была очень красива, а ее лучезарные глаза в зависимости от часа дня меняли цвет. Она напевала им песенки, которые они обожали. Когда она работала — и лоб ее покрывался испариной, то укладывала их в большую корзину, накрывала тряпицей и ставила в тени деревьев. Женщины, ее товарки, в восторге подбегали поглядеть на детей. Они быстро смекнули, что ее зовут Симона: три мелодичных слога, легко запомнить, легко повторить. Постепенно вырисовалась картина их жизни: у них не было ни братьев, ни сестер, им вообще не с кем было делить любовь своей матери, кроме одной лишь старой бабки. И это было хорошо. А самым прекрасным по-прежнему оставался песок, с которым им никогда не надоедало возиться. Золотистый песок. Наделенный запахом, который ласкал им ноздри. Песок — такой податливый, когда ложишься, который с таким восторгом они подбрасывали в воздух.

Через несколько месяцев дети, к собственному изумлению, начали ковылять на своих неуклюжих, пока еще кривоватых ножках, которые, однако, постепенно выровнялись и вскоре превратились в пару хорошеньких тростинок. Разговаривать они тоже начали очень рано и изо всех сил старались облечь в слова окружающий мир.

Они научились не шуметь понапрасну. А еще Симона брала их с собой на репетиции хора. Тише воды, ниже травы сидели близнецы на скамейке и прихлопывали в такт музыке. Хор же, известный по всей стране от края до края, славился исполнением старинных народных мотивов. Самым популярным был напев «мугé», воскрешающий память о временах рабства, когда негров заковывали в кандалы:

— *Муге йе кок-ля шанте кокийоко.*

А например, песня «Прощай, галстук! Прощай, платок!»¹ относилась к тем временам, когда толпа заполняла весь берег, провожая пакетботы «Генеральной трансатлантической компании» в путь из Гваделупы до самого Гавра. На палубах теснились чиновники, которые отправлялись домой в ежегодный отпуск.

— *Прощай, галстук! Прощай, платок! Прощай, кружевной воротничок...*

Напротив, песенка «Бан муэн ти-бо, де ти-бо» возникла в период «дудуизма»², когда креольский язык считался чем-то вроде птичьего щебета и «не годился» для выражения протеста.

— *Бан муэн ти-бо, де ти-бо, тва ти-би ланму...*

¹ Популярная народная гваделупская песня, сочиненная около 1770 г.

² Уничжительное выражение, которое использовалось для описания клишированной литературы о Французской Вест-Индии. Также использовалось в отношении произведений искусства, в т. ч. песен. (*Прим. ред.*)

А после пения Симона принималась танцевать босиком, и ее гибкий силуэт выделялся среди фигур остальных женщин, которым было далеко до ее грациозной прелести. Ее нередко сопровождала мать, тоже чернокожая, только с белой, словно соль, воздушной шапкой волос. Звали ее Мэйва. В ее грудях не было молока, и она кормила детей с ложки вкусной кашей. Они с Симоной брались за руки, изгибались, делали высокие прыжки — и это было первое представление, которое близнецы увидели в своей жизни.

Симона подробно объяснила детям, почему назвала их Иваном и Ивановой и почему заупрямилась и не подчинилась кюре. Иван! Так звали Царя всея Руси, великого и ужасного правителя, жившего в XIV веке. Ивана же просто женский вариант этого имени. В юности у Симоны не было денег, чтобы купить билет в кинотеатр на Шан-д'Арбо в Бас-Тере¹. Она попадала только на те сеансы, которые устраивало культурное общество «Сине Браво»; они растягивали белый холст-экран на центральной площади в Ослиной Спине. Именно тогда Симона посмотрела несколько фильмов, ничегошеньки не понимая, — перед ее глазами проносились бесчисленные картинки, которые непременно сопровождались музыкой. Детей усаживали в первые ряды на нумерованные металлические стулья.

¹ Административный центр Гваделупы, расположенный на одноименном острове.

Старики же, похожие на скрючившихся от дождя тараканов, глазели из окошек близко стоящих хижин. Вся эта компания галдела что есть мочи, пока гонг не требовал тишины. И начиналось волшебство. Один из фильмов, потрясший Симону сильнее прочих, назывался «Иван Грозный». Симона не запомнила ни имени режиссера, ни тем более имен актеров. В ее памяти сохранился лишь бурлящий водоворот образов.

Ивана, хотя и родилась первой, однако всегда норовила спрятаться за брата, как будто это он был старший и, значит, имел право командовать везде и всегда. Он первым научился танцевать и поражал всех, кто любовался им, своим врожденным чувством ритма.

Настал важный день. Когда детям исполнилось пять лет, Симона как следует искупала их, затем облачила в лучшие наряды — тесные льняные костюмчики-трико с вышивкой крестиком — и потащила в фотоателье Катани. Это была непреложная традиция, которую не смел нарушить ни один обитатель «истинной Гваделупы» (уж так ее называли в те годы). Луи Катани был сыном Серджи Катани, итальянца, приехавшего сюда из Турина в 1930-е годы — по причине нежелания жениться на одной из девушек с «Фиата»¹, как это сделали его бра-

¹ Один из крупнейших итальянских заводов по производству автомобилей. (Прим. ред.)